

Когда Чэнь Бин пришёл, дверь напротив действительно была приоткрыта, но незначительно. Если бы Тан Сю не посмотрел специально после только что закончившегося телефонного разговора, он бы сам этого не заметил. Однако Чэнь Бин обратил на это внимание. Он не только заметил, что дверь Цзян Цяо была не до конца закрыта, но и в момент выхода отметил, что теперь она плотно закрылась.

Тан Сю вдруг вспомнил слова, которые Чэнь Бин сказал ранее:

— На самом деле, когда ты играл, режиссёр Цзян много раз слегка улыбался.

Во время проб он не мог видеть реакцию режиссёров, поэтому, когда видео с пробами выложили, Тан Сю сам посмотрел его несколько раз, специально изучая реакцию Цзян Цяо. Картинка была не очень чёткой, ракурсы менялись быстро, и он совершенно не заметил этих мелких деталей.

Из этого следовало, что наблюдательность Чэнь Биня была очень острой, а его способность замечать детали — поразительной.

Тайные отношения Лу Канцзина и Сун Мяня были скрыты чрезвычайно глубоко. Кроме одного совместного участия в шоу, они почти никогда не появлялись вместе на публике, да и наедине редко решались встречаться. Как говорил Сун Мянью, это была любовь душ, мало чем отличавшаяся от ухода за электронным питомцем.

То есть, чтобы раскрыть секрет этих двоих, таинственный наблюдатель должен был обладать исключительной наблюдательностью. С этой точки зрения Чэнь Бин подходил.

— Тан Сю? — тихо произнёс Чэнь Бин. — Почему задумался? Иди отдыхать.

Тан Сю кивнул:

— Хорошо, вы тоже пораньше ложитесь.

Проводив Чэнь Биня, Тан Сю специально заглянул в его микроблог.

Этот человек вёл себя очень скромно, редко выкладывал селфи или пустые посты, значительная часть записей была посвящена рецензиям на фильмы. Он был преданным поклонником работ Цзян Цяо: независимо от того, участвовал ли сам в съёмках, каждый фильм смотрел внимательно и писал пространные размышления.

То есть его наблюдательность могла объясняться просто особым вниманием к личности Цзян Цяо. В таком случае он не казался столь подозрительным.

И кроме того — какой конфликт мог быть у такого доброжелательного старшего коллеги с Сун Мянью или Лу Канцзином?

Тан Сю подавил зародившуюся мысль и уже собрался сосредоточиться на сне, как вдруг телефон снова пропищал.

Опять этот серьёзный человек из соседней комнаты.

[Почему не спишь ночью, шумишь?]

Тан Сю нахмурился:

— Чэнь Бин зашёл ко мне поговорить. Мы говорили очень тихо, правда ли это могло вас побеспокоить?

Цзян Цяо долго не отвечал. Тан Сю подумал, что тот сдался, выключил свет и лёг. Но едва он устроился, как пришло новое сообщение.

[О чём он с тобой говорил?]

Через экран чувствовалась сильная тревога. Тан Сю сдержал смех и ответил:

— Не волнуйтесь, режиссёр Цзян, Чэнь Бин — настоящий, серьёзный актёр.

Цзян Цяо успокоился.

На следующий день Тан Сю встал в шесть утра на грим. Хотя в «Плахе для лис» было два главных героя, на самом деле у Сяо Бая было больше всего сцен. Съёмки шли в очень сжатые сроки, расписание Тан Сю было заполнено с восьми утра до восьми вечера, даже в выходные редко выдавался отдых — рабочая нагрузка оказалась колоссальной.

Ассистент купил ему маленькие паровые булочки и паровой омлет. Тан Сю успел перекусить, пока гримёр менял инструменты, и взял сценарий, чтобы продолжить читать. Цзян Цяо прошёл мимо, мельком взглянул внутрь и без выражения лица произнёс:

— Если обычно не стараешься, то в последний момент молиться Будде бесполезно. Лучше поешь, чтобы было больше сил на NG.

Тан Сю посмотрел на Цзян Цяо в зеркале и не стал отвечать. Зато его ассистент, испугавшись, быстро встал и побежал за режиссёром, чтобы что-то объяснить. Увидев, как они ушли, Тан Сю вздохнул и повернулся к гримёру:

— Подождите две минуты, я доем завтрак.

На самом деле этот парень просто хотел, чтобы он поел.

Делать человеческие дела, но говорить не по-человечески — это как раз про Цзян Цяо.

Цзян Цяо имел репутацию первого живого Яньло в режиссёрском мире — на площадке он был безжалостен. Для Тан Сю, впервые снимавшегося в кино, первый же день оказался заполнен сценами с боями. Самый первый кадр требовал работы на подвесной системе: нужно было изобразить, как Сяо Бай, прежде чем ступить в мир людей, ведёт в лесу быструю, свободную и беззаботную жизнь.

Мастер по реквизиту помог закрепить страховочное оборудование на спине, а постановщик трюков рядом показывал, как правильно сделать кувырок после приземления. Повторив движение несколько раз, он понизил голос и сказал Тан Сю:

— Для тех, у кого нет опыта, секрет в решительности. Не надо бояться. Я снимаюсь с режиссёром Цзян много лет — он не будет смотреть, новичок ты или нет. Если будет NG, он обязательно отругает. Если вдруг поругает — не нервничай, действуй как можно смелее, понял?

Тан Сю кивнул:

— Не волнуйтесь.

Все считали его просто изящным, «книжным» юношей, но за время работы с императорской гвардией ему не раз приходилось кувыркаться и падать. Хотя у древних и не было тех легендарных навыков лёгкости и боевых искусств, что приписывают им современные фантазии, их диета с низким содержанием жиров и сахара плюс тяжёлый физический труд действительно делали тела более гибкими и ловкими.

Постановщик трюков только закончил объяснять, как подошёл Цзян Цяо. Он взглянул на страховочные крепления на спине Тан Сю и потянул за них.

Мастер по реквизиту смотрел на него в недоумении, слегка нервничая:

— Режиссёр, что-то не так?

Цзян Цяо махнул рукой:

— Ничего, просто проверяю.

Затем он обошёл Тан Сю, осмотрел со всех сторон и низким голосом произнёс:

— Сцены на подвесной системе сложные. Не перенапрягайся, безопасность — на первом месте. Если что-то не получится, сделаем несколько дублей.

Тан Сю кивнул. Цзян Цяо ушёл, оставив постановщика трюков в полном замешательстве и неловкости.

Он только что намекнул Тан Сю, что Цзян Цяо безжалостен, и тут же получил пощёчину. Работая с Цзян Цяо столько лет, он впервые видел, чтобы тот так... изменился.

Тан Сю улыбнулся постановщику, сохраняя молчание.

На самом деле ему очень хотелось спросить Цзян Цяо.

А где же обещание, что после вступления в съёмочную группу всё изменится?

Где обещание, что боится быть слишком строгим и разрушить отношения?

Неужели вчерашние слова сегодня утром уже забыты?

Тан Сю тихо вздохнул, но в то же время почувствовал некоторое облегчение. Похоже, маленький росток души, который взрастил Цзян Цяо, обладал весьма упрямой волей к жизни и не так-то легко угасал.

Неплохо.

В этой сцене с ним играл Ху Гуанжань, но его участие было невелико. Сяо Бай лазил по древнему дереву у входа в пещеру, а его двоюродный брат крикнул сзади:

— Помедленнее!

Сяо Бай обернулся, пожал плечами и прыгнул вниз.

Тан Сю подготовился, и его подняли на тросах на платформу высотой около четырёх метров. Ху Гуанжань крикнул сзади:

— Осторожнее!

Тан Сю обернулся и улыбнулся Ху Гуанжаню. Тот и так обладал мужественной внешностью, а в белом халате с подплечниками выглядел ещё более величественным и статным. С высоты лицо Ху Гуанжана было плохо видно, и в какой-то миг Тан Сю показалось, что он похож на Лу Канцзина.

Ху Гуанжань был телосложением крепче Лу Канцзина, черты лица у одного были жёстче, у другого — мягче. Непонятно, откуда взялось это сходство.

Цзян Цяо снизу через громкоговоритель скомандовал:

— Всем приготовиться!

Тан Сю собрался с мыслями, вспомнив движения, которые показал постановщик трюков. С хлопком хлопушки он поднял правую руку и положил её на «ствол дерева». Белая одежда слегка развевалась, ноги приготовились к прыжку.

Ху Гуанжань крикнул сзади:

— Сяо Бай, помедленнее! Ты становишься всё более диким!

Тан Сю обернулся и улыбнулся Ху Гуанжаню. Камера взяла крупный план — это была невероятно чистая и наивная улыбка. Красные губы растянулись, уголки глаз и брови выражали радость, с нотками юношеского задора. Он пожал плечами, покачиваясь на стволе дерева, словно хвастаясь.

— Ты меня уже замучил своими нравоучениями!

Сказав это, Тан Сю прыгнул. Вентилятор развевал его одежду. Он уверенно прыгнул с высоты в несколько метров, в воздухе сделал несколько шагов с помощью тросов — изящно и свободно — приземлился на мат, перекатился, встал, сразу же выпрямил спину и помахал рукой вдаль.

Не было лишних слов, но этот дикий и свободный юношеский дух демона-духа был полностью воплощён.

Ху Гуанжань, стоявший сзади, даже замер. Никто не ожидал, что Тан Сю выполнит все движения одним махом.

Та улыбка, когда он обернулся, ослепила его.

Цзян Цяо крикнул «Снято!». Его голос из громкоговорителя звучал как обычно — спокойно, без эмоций. Тан Сю не стал снимать страховочные ремни и, волоча за собой длинные тросы, подошёл к Цзян Цяо:

— Режиссёр, всё нормально?

(Примечания к главе отсутствуют)

<http://bllate.org/book/16171/1449834>